

Online First

Вестник международных организаций. 2024. Т. 19. № 4. С.

Научная статья

УДК 327.7

JEL-

doi:10.17323/1996-7845-2024-03-01

Влияние соперничества между США и Китаем на лидерство G20: возможности и проблемы^{1,2}

В. Сагар

Вишал Сагар - доктор наук³, доцент кафедры социальных и политических исследований (DOSPS) Школы поведенческих и социальных наук (SBSS) Международного института исследований Манав-Рахна (Индия); стипендиат программы Сети углубленного изучения Китая (NASC) 2023-24, финансируемой Институтом Такшашила; доцент Международного института исследований Манав-Рахна; 35, Sector-5, Part-3, Gurgaon, Haryana, 122006 Индия; vishalsagar86@gmail.com

Аннотация

Нынешнее состояние отношений между США и Китаем отражает и подтверждает многовековой паттерн сдвигов глобального баланса сил между великими державами, когда он смещается от устоявшихся лидеров к новым. В академическом сообществе сложился консенсус, что сдвиги, произошедшие в период пребывания у власти администрации Трампа и с началом пандемии, являются преобладающим фактором ухудшения китайско-американских отношений. Одним из следствий соперничества между США и Китаем является то, что вопросы глобального управления все чаще подпадают под воздействие геополитических трендов, что подрывает способность G20 предоставлять глобальные общественные блага (ГОб). Хотя ГОб встроены в институциональные структуры, такие как G7, G20 или Международный валютный фонд (МВФ), их предоставление является атрибутом глобального лидерства. Теоретические и эмпирические данные свидетельствуют о том, что регулярное предоставление ГОб зависит либо от гегемонии единственной сверхдержавы, либо от уровня сотрудничества между многочисленными центрами силы, преобладающими в международной системе на текущий момент. Ослабление позиций США как гегемона и отсутствие должного уровня сотрудничества между США и Китаем ставят под вопрос будущее G20 как лидера в обеспечении ГОб. С учетом сложившейся неопределенности настоящая статья пытается осветить следующую исследовательскую проблему: способна ли G20 встать во главе процессов глобального управления и предоставлять ГОб в условиях ограничений, обусловленных соперничеством между США и Китаем? В частности, в статье рассматриваются следующие исследовательские вопросы. Как соперничество между США и Китаем влияет на способность G20 предоставлять ГОб? Какие акторы стояли во главе глобального управления в прошлом? Способны ли они продолжать выполнять эту функцию в современных условиях? Что подавляет лидерский

---

¹ *Статья поступила 18.05.2024.*

² Перевод статьи выполнен А.А.Дорониным, н.с. Центра исследований международных институтов Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС).

³ Вишал Сагар имеет докторскую степень Центра международной политики, организаций и разоружения (CIPOD), Школы международных исследований (SIS), Университета Джавахарлала Неру (JNU), Нью-Дели..

потенциал различных акторов внутри G20? В статье утверждается, что кризис лидерства G20 является кумулятивным следствием снижения «способности» G7 выполнять свою традиционную роль лидера в сочетании с недавно приобретенной «готовностью» противостоять возвышению Китая. Более того, дефицит лидерства усугубляется ситуацией, когда «срединные» державы⁴ становятся объектом «стратегического перетягивания» их ведущими державами на свою сторону в результате поляризации, что подрывает привычный уровень «способности» срединных держав выступать лидером процессов глобального управления.

Ключевые слова: США – Китай, лидерство G20, G7, срединные державы, изменение климата

Для цитирования: Сагар В. Влияние соперничества между США и Китаем на лидерство G20: возможности и проблемы // Вестник международных организаций. 2024. Т. 19. № 3. С. (на русском и английском языках). doi:10.17323/1996-7845-2024-03-01

Введение

G20 – это форум, включающий системно значимые державы. Любое изменение ключевых переменных, влияющих на глобальное распределение силы, неизбежно влияет на динамику G20, в том числе – на траекторию лидерства G20 как объединения. В связи с возвышением Китая происходит значительное изменение глобального баланса сил, что в последние годы несет угрозу фрагментации процессов глобального управления. Хотя рост Китая и не является одномоментным событием, проявления его последствий в контексте соперничества великих держав – это нечто относительно новое в международных отношениях. Опасения по этому поводу зрели гораздо раньше, однако значительное изменение в восприятии Соединенными Штатами возвышения Китая произошло при администрации Трампа [2017], проявившей бо́льшую политическую готовность противостоять «угрозе Китая» (например, в форме торговой войны). Следуя по пути, проложенном Трампом, администрация Байдена также приняла логику конкуренции, отказавшись от слепой веры в сотрудничество с Китаем.

Тарифные войны имеют далеко идущие последствия. Помимо того, что они дестабилизируют положение внутренних акторов (экспортеров, импортеров и потребителей), они также угрожают подорвать основы, на которых глобальная экономика бурно развивалась со времен Второй мировой войны. Пандемия и ее неравнозначные последствия для США и Китая также сыграли свою роль в углублении разрыва, что привело к снижению предложения ГОБ, таких как товары для чрезвычайных ситуаций в области общественного здравоохранения. Учитывая исторически прослеживаемую связь между технологическим превосходством и потенциалом для обретения глобального лидерства, неудивительно, что «технологическая сфера» стала ключевой ареной противостояния [Seidl, 2024]. В типичной ситуации, напоминающей «ловушку Фукидида», Китай стремится разрушить нарратив о том, что восходящая держава может использовать технологии для переустройства мирового порядка, позиционируя технологии как не связанный с политикой инструмент, предназначенный для обеспечения экономического прогресса и «мирного возвышения». С другой стороны, США все чаще рассматривают технологии не как нейтральный фактор, а как критически важный элемент стратегического соперничества великих держав. Поэтому неудивительно, что США предложили различные политические

---

⁴ прим. перев. – *middle powers* в оригинале

стратегии, такие как стратегия «экономического разрыва»⁵ или «де-рискинга»⁶, с тем чтобы сдержать угрозу со стороны Китая.

Стратегическое соперничество между двумя наиболее могущественными государствами мира неизбежно влечет за собой последствия для глобального управления. Исторически сложилось так, что большинство стран выигрывали от глобального лидерства, поскольку страны-лидеры предоставляли остальному миру (ОМ) различные ГОБ. В послевоенный период США играли ведущую роль до середины 1970-х годов, когда G7/8 во главе с США стала ключевым актором в глобальном управлении. В XXI веке такие феномены, как возвышение БРИКС и кризис 2007 года, привели к достижению компромисса исторического значения, результатом чего стала институционализация глобального лидерства под эгидой G20. Несмотря на то что G20, удовлетворяя запрос мира на стимулирование экономики и обеспечение финансовой стабильности, превзошла все ожидания в роли успешного антикризисного менеджера, фундаментальные противоречия между Западом, возглавляемым США, и альянсом Китая и Россия вскоре проявились со всей очевидностью. Два события в 2014 году – начало конфликта на Украине и рост напористости Китая в Южно-Китайском море – обострили напряженность в американо-китайских отношениях. В США нарратив «китайской угрозы», воплощенной в ревизионизме и авторитаризме, получил усиление.

На более фундаментальном уровне мир сталкивается с двумя различными и в значительной степени несовместимыми мировоззрениями, которых придерживаются США и Китай. Обе страны рассматривают свою «исключительность»⁷ как ключевой фактор, способствующий глобальному процветанию и стабильности. В рамках своей стратегии США сделали «минилатерализм» ключевым инструментом своей внешней политики, направленной на противодействие китайской угрозе, формируя сеть мини-альянсов со странами-единомышленниками, таких как G7, Четырехсторонний диалог по безопасности (QUAD), AUKUS (трехсторонний альянс между США, Великобританией и Австралией) и другие. Объявленная [Государственным секретарем США Энтони] Блинкеном в 2022 году политика под лозунгом «инвестировать, выстраивать альянсы и конкурировать» также сыграла на усиление такого конкурентного подхода. В свою очередь, Китай стремится ослабить данный нарратив, позиционируя себя в качестве имеющего моральное превосходство глобального лидера, отвергающего западные гегемонистские устремления. Как бы то ни было, страны ОМ сталкиваются с двумя основными последствиями подобной поляризации: во-первых, на них усиливается давление с точки зрения возможности сохранения их стратегической автономии; во-вторых, возникает дефицит консенсуса в G20, что ослабляет способность группы обеспечивать ГОБ.

В условиях усиливающейся международной поляризации оценка перспектив G20 требует тщательного рассмотрения следующих вопросов. Как стратегическое соперничество между наиболее влиятельными членами G20 может повлиять на способность группы лидировать в процессах глобального управления и предоставлять ГОБ? Иными словами, влияет ли стратегическая конкуренция между США и Китаем «за пределами» G20 на их взаимодействие «внутри» G20? Отражаются ли эти, казалось бы, непримиримые разногласия по сложным вопросам на возможности достижения консенсуса по более «мягким» темам? Настоящее исследование не фокусируется на причинах соперничества

---

⁵ прим. перев. – *decoupling* в оригинале

⁶ прим. перев. – *de-risking* в оригинале, понимается как приостановка или ограничение деловых связей, устанавливаемые финансовыми институтами

⁷ Американская «исключительность» основывается на убеждении, что либеральные ценности и система, поддерживаемые глобальным лидерством США, являются фундаментом мирового порядка. В свою очередь, китайская «исключительность» зиждется на представлении о моральном превосходстве Китая и его уникальности по сравнению с ОМ, в особенности с США и поддерживаемым ими иерархическим гегемонистским мировым порядком.

между США и Китаем, поскольку эта тема уже детально изучена в существующей литературе; вместо этого в статье анализируется, как это соперничество влияет на G20. В практическом плане предметом статьи является поиск ответа на вопрос, каким образом американо-китайское противостояние влияет на динамику лидерства в рамках G20, выраженную в способности группы предоставлять ГОБ.

В статье предлагаются аргументы в пользу следующих тезисов. Во-первых, соперничество между США и Китаем вследствие вызванной им международной поляризации негативно сказывается на лидерстве G20 и ее способности предоставлять ГОБ. Во-вторых, поляризация ослабляет лидерский потенциал ключевых игроков, включая G7 и срединные державы, что усиливает вакуум лидерства. В-третьих, поляризация сплотила западные страны, приведя к изменению позиционирования G7, которая теперь претендует на более значимую роль стратегического характера, в особенности в отношении Пекина. В-четвертых, возможности для проявления лидерства срединными державами сократились, что сделало их более уязвимыми перед внешним давлением, вынуждающим срединные державы занимать какую-либо из сторон. Наконец, вследствие международной поляризации G20 испытывает трудности с выполнением своего основного мандата по предоставлению ГОБ, что наглядно иллюстрируется кейсом международных переговоров по изменению климата.

1. Глобальное лидерство в теоретических рамках

Доминирующие подходы в парадигме политического реализма в рамках теории международных отношений (МО) рассматривают поведение великих держав в качестве ключевого показателя оценки их аналитической и прогностической ценности. Глобальное лидерство достигается через демонстрацию как способности, так и готовности к лидерству, при этом предоставление ГОБ является важнейшим критерием. Теория гегемонистской стабильности утверждает, что гегемонистское лидерство предполагает наличие одной преобладающей силы, которая способствует открытости в международной торговле, что само по себе является ключевым ГОБ. Либеральный порядок возникает благодаря гегемону, который возглавляет процесс установки правил, создания институтов и стимулов для поддержания этого порядка [Kindleberger, 1973; 1981]. Таким образом, теория гегемонистской стабильности объединяет понятия гегемонии и лидерства в единую концепцию.

Роберт Гилпин⁸⁸ утверждает, что гегемон должен «обеспечивать статус-кво в свободной торговле и международных инвестициях и эффективно функционирующую международную монетарную систему» [Gilpin, 1975]. Использование рыночных механизмов для продвижения глобального лидерства было характерно как для британской, так и для американской модели лидерства. Послевоенные усилия США стали воплощением «трансформационного лидерства», в рамках которого для Японии и Германии была изобретена заново модель общественного устройства, с тем чтобы не допустить повторения выпадания этих стран из семьи народов, подобно тому, как это произошло в период между двумя мировыми войнами и привело к появлению фашизма [Kenberry, 1996]. В последние годы председатель Си Цзиньпин демонстрирует такое трансформационное лидерство, укрепляя свою власть в партии и используя такие инициативы, как «Один пояс, один путь» (Belt and Road Initiative, BRI), в качестве плацдарма для усиления глобального влияния Китая [Maihhold, 2020].

---

⁸⁸ прим. перев. – 1930-2018, американский ученый в области международной политической экономики и почетный профессор политологии и международных отношений в школе государственных и международных отношений имени Вудро Вильсона в Принстонском университете

Икенберри⁹ выделяет три вида международного лидерства, которые превалируют в МО: структурное, институциональное и ситуационное [Ikenberry, 1996]. Структурный подход акцентирует внимание на роли материальных факторов, таких как технологии, военная мощь, экономика и ресурсы, в осуществлении международного лидерства. Гегемонистское лидерство поддерживается как авторитетом гегемона, так и правилами, регулирующими систему. Однако со временем происходят сдвиги в распределении силы, что ведет к войнам за обретение статуса гегемона и пересмотру существующего порядка [Gilpin, 1981]. В русле гегемонистской традиции теоретик длинных циклов Моделски¹⁰ утверждает, что глобальное лидерство возникает «естественным образом» через «системные решения», которые способствуют последовательной смене гегемонов на вершине глобальной системы. Гегемонистское лидерство укрепляется, когда оно делится выгодами от инноваций на глобальном уровне, создавая динамику игры с положительной суммой и минимальным принуждением [Modelski, 1987].

Структурное лидерство рассматривается с различных точек зрения. В марксистской традиции Валлерстайн¹¹ критикует мировую капиталистическую систему как гегемонистскую, опирающуюся на принуждение, политическую иерархию, военное доминирование, неравенство и эксплуатацию [Wallerstein, 1979]. Эти структурные теории утверждают, что источником лидерства является не личность или политика, а *сама структура*. Многие также считают, что ослабление гегемонистской власти может дестабилизировать порядок, и поэтому концентрация власти является необходимым условием стабильности [Ikenberry, 1996].

Во-вторых, глобальное лидерство может проявляться более тонко через институты, которые часто рассматриваются в постгегемонистскую эпоху как альтернатива США в роли гегемона. Хотя институты и не навязывают свою волю государствам, они формируют поведение государств через установленные правила, принципы, практики и взаимные ожидания [Hodzi, Chen, 2018]. Сформировавшаяся форма институционализма характеризуется западноцентричным мировым порядком, во главе которого находятся США. Эта система в меньшей степени опирается на гегемонистский контроль и в большей степени – на выстроенную США децентрализованную политическую структуру, которая вовлечена в процессы принятия решений на транснациональном уровне [Ikenberry, 1996].

Третья категория лидерства в теории МО называется «ситуативным лидерством». Оно возникает вследствие способности отдельного индивида (например, министра иностранных дел) использовать возможности для перераспределения силы в системе. Роль Бисмарка в Европе XIX века является одним из лучших примеров ситуативного или, как его называет Янг¹², «предпринимательского лидерства» [Young, 1991; Ikenberry, 1996].

Помимо фокуса на силе, в литературе, посвященной гегемонистскому лидерству, также подчеркивается важность легитимности. Легитимный порядок предполагает наличие общей цели, соблюдение принципов или норм, готовность к компромиссам и взаимному согласию [Ikenberry, Kupchan, 1990]. Создание нового легитимного политического порядка требует от гегемона предоставления другим государствам возможности вносить свои содержательные предложения, основывающиеся на их предпочтениях. В послевоенный

---

⁹ прим. перев. – Джон Икенберри, теоретик международных отношений и внешней политики США, профессор Принстонского университета

¹⁰ прим. перев. – Джордж Моделски, профессор политологии в Университете Вашингтона

¹¹ прим. перев. – Иммануил Валлерстайн, американский социолог, политолог и философ-неомарксист, один из основателей мир-системной теории и ведущих представителей современной левой общественной мысли; профессор Колумбийского университета

¹² прим. перев. – Оран Янг, почетный профессор Университета Калифорнии

период США учли видение стран Европы, с тем чтобы сделать формируемый миропорядок для них более легитимным и приемлемым [Ikenberry, 1996].

В целом, способность, готовность и легитимность нации влияют на ее лидерский потенциал. Как утверждает Стессингер¹³, наличие ресурсов и возможностей само по себе не «сделает нацию мощной, если ее руководство не использует эти ресурсы с максимальной эффективностью на международной арене» [Stoessinger, 1991]. Таким образом, то, что имеет решающее значение – это готовность страны к лидерству. Аналогично, подчеркивая значение легитимности, Стессингер утверждает: «Качество лидерства нации и образ, который она проецирует на мир, являются важными источниками силы. Если лидерство несовершенно, все остальные ресурсы могут оказаться бесполезными» [Stoessinger, 1991]. Качество лидерства зависит от «образа нации в собственных глазах и, возможно, самое важное – от того, как ее воспринимают другие государства» [Stoessinger, 1991].

Применение теоретических рамок глобального лидерства к современным американо-китайским отношениям вызвало оживленные дебаты о границах глобального лидерства. Многие утверждают, что мир без лидера или гегемона (сценарий постамериканского лидерства) – это «ничейный мир», «модель G-Zero» или «неполярный» мир, который приведет к глобальной нестабильности, остановит либерализацию и подорвет многостороннюю систему, основанную на правилах [Haass, 2008; Bremmer, Roubini, 2011; Bremmer, 2012; Kupchan, 2013; Haass, 2014; Wolf, 2017].

Некоторые исследователи считают, что вакуум лидерства образовался в результате «добровольного отказа» США от роли лидера в период администрации Трампа, когда США оказались либо неспособными, либо не желающими вести за собой мир [Kristenson, 2017]. Отказ США от лидерства напрямую связан с рассуждениями о том, способен ли Китай взять на себя это бремя, в особенности после того, как председатель Си в 2017 году на форуме в Давосе объявил об «отзывчивом и ответственном лидерстве Китая». Основная озабоченность в этой связи заключается в том, приведет ли конец американского лидерства к прекращению миропорядка, основанного на либеральных ценностях, поскольку Китай может стремиться к внедрению норм авторитарного типа в глобальные стандарты и институты [Kausikan, 2017]. Таким образом, прогнозируемое смещение баланса сил в пользу Китая как возвышающейся державы вызывает опасения по поводу потенциального влияния китайского ревизионизма на глобальную стабильность [Kaplan, 2016; Lieberman, 2016].

С другой стороны, в ряде работ отмечается, что «Ловушка Киндлбергера», или мир без лидера, представляет собой более опасную ситуацию, чем фаза перераспределения силы, поскольку «дефицит лидерства» может привести к нехватке ГОБ [Lehmann, 2016]. В прошлом США воспринимались в качестве лидера, когда они «отстаивали не только свои собственные интересы» и когда «мировая экономика не представляла собой игру с нулевой суммой» [Patrick, 2017]. Таким образом, лидерство может требовать жертв или, по крайней мере, адаптации, поскольку глобальные интересы (в том числе предоставление ГОБ) является неотъемлемой частью того, как лидер осмысливает свои национальные интересы. Такие эксперты, как Иан Бреммер¹⁴, предупреждали о надвигающейся «Ловушке Киндлбергера» еще в 2012 году, предсказывая развитие мировой ситуации в сторону мира «G-Zero» [Grundleger, Creehan, 2012].

---

¹³ прим. перев. – Джон Стессингер, 1927-2017, писатель, профессор Городского университета Нью-Йорка, исполняющий обязанности директора отдела по политическим вопросам Организации Объединенных Наций

¹⁴ прим. перев. – американский политолог, основатель и президент консалтинговой компании по политическим рискам Eurasia Group

Утверждается также, что разговоры о «мире без лидера» или «G-Zero» могут быть не просто нейтральными наблюдениями, но и элементом политической тактики. Они могут подразумевать наличие скрытых целей, таких как выстраивание одностороннего лидерства, сдерживание других претендентов на лидерство и определение контуров «хорошего лидерства» [Kristenson, 2017]. В иных работах выдвигается концепция «второй холодной войны», в рамках которой США и Китай конкурируют в таких областях, как инфраструктура, финансы, цифровые технологии и производство [Schindler et al., 2023]. В критическом дискурсе смещение баланса сил от США рассматривается как выражение исторических нарративов, в которых «китайский иной» призван сыграть важную роль в укреплении «американского я» [Turner, 2016]. В региональном плане классические геополитические подходы предсказывают превращение Восточной Азии в ключевую арену противостояния между США и Китаем [Schreer, 2017].

Однако подобные гипотезы, в особенности те, которые подчеркивают неизбежное соперничество между США и Китаем и гегемонистские намерения Китая, подвергаются критике со стороны китайских исследователей. Такие дискурсы характеризуются ими как европоцентричные и неспособные понять китайский взгляд на мироустройство. Некоторые китайские наблюдатели утверждают, что семантическое и концептуальное недопонимание возникает вследствие существующей в западной интеллектуальной традиции склонности отождествлять гегемонию с глобальным лидерством. В их представлении гегемония отличается от глобального лидерства, поскольку последнее лишено логики игры с нулевой суммой [Sun, 2019]. Другими словами, лидерство позволяет «более чем одной стране гармонично и взаимно дополняя друг друга играть ведущие роли в мировых делах» [Sun, 2019]. Глобальному лидерству в данном контексте дается следующее определение:

«Глобальное лидерство стран означает принятие на себя ведущей роли в глобальных делах, что предполагает выполнение пяти основных условий: наличие лидерской позиции, способности к лидерству, навыков лидерства, желания брать на себя роль лидера и необходимых средств для лидерства» [Sun, 2019].

Иные исследователи, например, Янь Сюэун¹⁵, в своей теории морального реализма рассматривают качество лидерства как независимую переменную, влияющую на лидерскую позицию страны в мировых делах. В своих прогнозах он предполагает, что моральная правота может позволить стране-претенденту (Китаю) сместить существующего лидера (США) с лидирующей позиции, даже несмотря на асимметричное распределение возможностей между ними [Yan, 2016].

Подытоживая, отметим, что для реализации глобального лидерства государство или группа государств должны демонстрировать такие качества, как «способность, готовность и легитимность». В следующем разделе показывается, почему G7 и срединным державам, вероятно, будет сложно взять на себя лидерскую роль в рамках G20, что приведет к дальнейшему расширению дефицита лидерства.

2. Поляризация в G20: последствия для G7 и срединных держав

Поляризация и перекалибровка G7

G7 появилась в тот момент, когда США столкнулись с вызовами своему единоличному лидерству в процессах глобального управления и предоставления ГОБ странам ОМ. G7

---

¹⁵ прим. перев. – китайский ученый-международник, декан факультета международных отношений Университета Циньхуа

была сформирована в 1976 году, с тем чтобы восполнить дефицит лидерства после «Никсоновского шока»¹⁶ и краха Бреттон-Вудской системы в начале 1970-х годов. Теоретические концепции, такие как «групповая гегемония» Эллисона Бейлина, предлагают объяснение для этого сдвига [Bailin, 2005]. Модель «институционализированной гегемонии» Бейлина аргументирует переход к глобальному управлению с лидирующей ролью G7 через необходимость гармонизации обеспечиваемой силой стабильности с основывающимся на институтах неолиберальным институционализмом. Групповая гегемония, возглавляемая «мыслящими схожим образом либеральными демократиями», обеспечивала коллективное предоставление различных ГОБ, таких как свободная торговля и стабильность обменного курса [Bailin, 2001]. Полезность G7 не иссякла даже после создания G20 в 1999 году на уровне министров финансов и управляющих центральными банками.

Седерберг¹⁷ [2002] в марксистской традиции утверждала, что G20 возникла в ответ на усилия G7 по формированию после азиатского финансового кризиса новой международной финансовой архитектуры (МФА), о чем было заявлено на саммите G7 в Кельне в 1999 году. В критическом ключе новая МФА описывалась как «транснациональная классовая стратегия репродуцирования власти финансового капитала в мировой экономике и, соответственно, структурной власти Соединенных Штатов» [Soederberg, 2002]. Таким образом, G7 продолжает рассматриваться как доминирующая сила в сфере глобального управления с самых различных точек зрения.

Тем не менее, нарратив о G7 как о лидере глобального управления был низвергнут на волне финансового кризиса 2007 года, и G20 (чей статус был поднят до уровня саммита лидеров стран) стала ведущим форумом глобального экономического управления. В посткризисный период, до появления явных признаков соперничества между США и Китаем, роль G7 несколько ослабла. Вместе с тем ряд исследователей [Larionova et. al., 2015] выступали за «разделение труда» между различными институтами в качестве эффективного способа решения глобальных проблем. В частности, реализация этого подхода должна была опираться на специализацию компетенции каждого из коллективных органов: G20 – в экономических вопросах, G8 – в геополитических, BRICS – в вопросах социального риска [Larionova et al., 2015].

Как бы то ни было, поляризация обуславливает смещение такого кооперативного разделения труда между институтами в сторону формирования вокруг соперничества США и Китая стратегических лагерей. Усиление поляризации реанимировало G7, создав для нее новый мандат на стратегическое соперничество с Китаем. До глобального финансового кризиса 2007 года G7 стремилась к универсальности своего глобального лидерства, поскольку не существовало других по-настоящему глобальных претендентов. В категориях относительной выгоды¹⁸, которая вновь стала преобладающим дискурсом, переосмысленная задача для G7 заключается в предоставлении не «инклюзивного», а «эксклюзивного глобального лидерства».

Появление новых и реинкарнация старых инициатив, таких как *Build Back Better World* (B3W) [2021], QUAD [2017], AUKUS [2021], «Саммит за демократию» [2021] и другие, демонстрируют решимость G7 противостоять Китаю через кооперационные форматы с

---

¹⁶ прим. перев. – серия экономических реформ, осуществленных президентом США Ричардом Никсоном в 1971 году, самой значительной из которых стал односторонний отказ США от привязки курса доллара к золоту

¹⁷ прим. перев. – Сюзанна Седерберг, профессор Университета Квинс, Онтарио, Канада

¹⁸ прим. перев. – подход в теории МО, характеризующийся оценкой баланса сил без учета других факторов, таких как экономика

ограниченным кругом участия. Инициатива В3W была перезапущена на саммите G7 в Германии в 2022 году как «Партнерство для глобальной инфраструктуры и инвестиций» (PGII). Общая черта этих инициатив заключается в их стремлении противодействовать возвышению Китая. Новый стратегический мандат G7, обусловленный поляризацией, делает акцент на функционировании G7 за пределами G20. Некоторые исследователи, как, например, Чжоу¹⁹ и Чжа²⁰, утверждают, что китайский проект BRI стал катализатором, ускорившим реализацию некоторых из этих инициатив [Zhou, Zha, 2023]. В схожем ключе отмечается следующее [Liao, Beal 2022]:

«Инициатива В3W была предложена как стратегический ответ G7 на глобальные вызовы, в частности, на глобальный инфраструктурный дефицит, восстановление после COVID-19 и необходимость противодействия экономическому и политическому влиянию Китая в развивающемся мире» [Liao, Beal, 2022].

Администрация Байдена подчеркивает наличие взаимосвязи между стратегией развития и национальной безопасностью. В рамках визитов представителей администрации в различные регионы мира, прежде всего в Индо-Тихоокеанский регион, Африку и Латинскую Америку, подчеркивался приоритетный характер вопросов укрепления партнерств, создания устойчивых цепочек поставок и работы по таким ключевым направлениям, как климат, гендерные вопросы, здравоохранение, безопасность и другие [Liao, Beal, 2022]. Эти визиты показывают вектор дипломатических усилий, так же как и стремление увязать предоставление ГОБ со стратегическими соображениями, которыми руководствуется G7.

Соперничество между США и Китаем имеет дополнительное измерение в виде «борьбы за легитимность», то есть за право предоставлять ГОБ странам ОМ с наибольшей легитимностью. По мнению Цао²¹, «устойчивость» является ключевым критерием для подкрепления любого проекта; следовательно, включение ГОБ в парадигму устойчивости становится дополнительным подспорьем для обеспечения легитимности. Некоторыми авторами отмечается, что увязка китайского проекта BRI с Повесткой устойчивого развития до 2030 года придала бы ему бо́льшую легитимность и Китай в таком случае был бы признан в качестве ключевого игрока в удовлетворении глобальных потребностей в развитии. Более того, это позволило бы Китаю «завоевать сердца и умы других стейкхолдеров, вовлеченных в BRI» [Cao, 2019: 234].

Инициатива В3W акцентирует внимание на своей ориентации на «зеленые инвестиции» и таким образом подчеркивает свое отличие от китайских инициатив, побуждая Китай к интеграции «принципов зеленых инвестиций» в рамки BRI. На контрасте с критикуемым китайским проектом BRI инициатива В3W пронизана идеалами «хорошего управления», такими как прозрачность и устойчивость. Пекин также действует осторожно, пересматривая подходы к реализации BRI с целью укрепления его легитимности. Чтобы противостоять нарративу о «займах по хищническим ставкам» и «низкой окупаемости инвестиций», председатель Си стремится пересобрать BRI как BRI 2.0, делая акцент на прозрачности, свободе от коррупции, высоких стандартах качества и соблюдении правил при планировании и реализации проектов [Chang, 2019].

---

¹⁹ прим. перев. – Цзя Чжоу, проф., исследователь программы по вопросам конфликтов, мира и безопасности Стокгольмского института исследований международного мира

²⁰ прим. перев. – Даоцзюн Чжа, проф., Школа международной политической экономики в Пекинском Университете

²¹ прим. перев. – Дзяхан Цао, научный сотрудник Шанхайского института международных исследований

В последние годы G7 и Китай открыто критиковали друг друга, подчеркивая значительные разногласия по ряду вопросов. В критическом заявлении, очевидно – сделанном в адрес Китая, в рамках Хиросимского коммюнике G7 (май 2023 года) отмечалось, что государства, которые «обладают возможностями, но еще не являются действующими поставщиками международного климатического финансирования», должны активизировать свою деятельность и играть более активную роль в климатических проектах [The White House, 2023]. Аналогично на встрече министров иностранных дел G7 в Токио в ноябре 2023 года лидеры G7 высказали в адрес Китая целый ряд претензий: призвали Пекин принять меры по прекращению его нерыночной политики; поддерживать мир в Тайваньском проливе; воздерживаться от поддержки России в конфликте вокруг Украины; прекратить незаконный трансфер технологий; предоставить значительную автономию Гонконгу; уважать права человека в Тибете и Синьцзяне – и так далее [G7, 2023]. В ответ на это китайское посольство²² заявило, что «Китай решительно будет противостоять любой клеветнической кампании со стороны внешних сил» [Reuters, 2023].

Китай внимательно наблюдает за трансформацией G7. Официальная газета «Жэньминь жибао» резко осудила прошедший в мае 2023 года Хиросимский саммит G7, охарактеризовав его как «гегемонистскую клику, подрывающую глобальный порядок, равенство и справедливость». G7 столкнулась с обвинениями во вмешательстве во внутренние дела государств, разжигании конфликтов и была названа «инструментом для защиты гегемонии США». Критика включала обвинения в двойных стандартах; поддержке суверенитета Украины при игнорировании призывов за независимость Тайваня; а также сведение роли G7 к пособничеству США в противостоянии с Китаем. Кроме того, Китай обвинил G7 в поддержке нарратива о «китайской угрозе» и следовании американской повестке экономического принуждения, нарушающей цепочки поставок, политизирующей и даже превращающей в оружие торговые отношения. Пекин заявил, что мир отвергает западные правила, навязанные G7, и предупредил, что G7 неизбежно окажется в изоляции из-за своей неослабевающей поддержки США, которые продвигают разделяющую мир повестку [Zhong, 2023].

Складывающаяся ситуация позволяет сделать вывод, что внутренне согласованные (то есть объединенные общей либеральной идеологией) неформальные группы, такие как G7, склонны к усилению сплоченности и готовы в условиях соперничества великих держав вырабатывать повестку более стратегического характера. Динамика соперничества подталкивает единомышленников объединяться в рамках неформальных групп, усиливая их стремление к сотрудничеству. Следовательно, в рамках исследования предлагается тезис, что в условиях глобального перераспределения баланса сил неформальные группы, вероятно, будут стремиться к единению со своими якорными членами (на примере единения членов G7 внутри группы), игнорируя мандат на инклюзивное принятие решений в рамках демократических и легитимных форматов глобального управления (то есть G20). Подобная тенденция подорвала способность G20 обеспечивать лидерство в предоставлении ГОБ, поскольку доминирующий лагерь (G7) стремится продвигать предоставление ГОБ как «свои» инициативы.

Поляризация и срединные державы

Появление аббревиатур объединений стран, таких как CIVETS (Колумбия, Индонезия, Вьетнам, Египет, Турция и Южная Африка) или MIST (Мексика, Индонезия, Республика Корея и Турция), символизирует рост срединных держав. В академической среде также различают традиционные срединные державы, такие как Канада и Австралия, и новые,

---

²² прим. перев. – в Японии, как в цитируемом источнике

такие как Южная Корея, Мексика, Индонезия и др. [Cooper, Mo, 2013]. В ряде работ срединные державы характеризуются как «добропорядочные граждане мира», которые действуют ответственно [Holbraad, 1984], тогда как в других срединная держава определяется как «государство, лидеры которого считают, что оно не может эффективно действовать в одиночку, но может оказать системное влияние в небольшой группе или через международную организацию» [Keohane, 1969].

G20 имеет особые отношения со срединными державами, поскольку последние сыграли ключевую роль в создании этого форума, а также активно вовлечены в процессы глобального управления. В рамках G20 срединные державы выполняли различные функции: выступали триггером для международных инициатив, формировали повестку дня, создавали коалиции по конкретным вопросам и т.д. Лидерство срединных держав (в этом отношении можно особенно отметить «предприимчивость» Канады) сыграло критически важную роль в формировании G20 [Ibbitson, Perkins, 2010]. Роль Канады, Австралии и Южной Кореи была решающей в достижении глобального консенсуса по таким вопросам, как координация макроэкономической политики, глобальные дисбалансы и т.д. В прошлом Южная Корея активно продвигала идею глобальной финансовой безопасности, что является ключевым ГОБ, через усиление роли МВФ в предотвращении кризисов. Внедрение таких механизмов, как расширение линии гибкого кредитования и создание линии превентивного кредитования МВФ, являются знаковыми успехами дипломатии срединных держав [Cooper, Mo, 2013].

Как бы то ни было, поляризационный эффект соперничества между США и Китаем сузил пространство возможностей срединных держав для эффективного участия в G20. Выдающиеся успехи Австралии, являющейся срединной державой, в качестве председателя G20 в 2014 году стали возможными благодаря отсутствию такой поляризации [Downie, 2017]. В настоящее время система МО сталкивается с тремя взаимосвязанными шоками и их последствиями: соперничеством между США и Китаем, четвертой промышленной революцией и кризисом, вызванным COVID-19 [Lee, 2021]. В таких условиях срединные державы все в большей степени сталкиваются с попытками перетянуть их на ту или иную сторону стратегического соперничества, что оставляет для них все меньше возможностей для проведения сбалансированной политики. Становление на сторону одной из держав может привести к враждебности в отношениях с другой. Например, Китай ввел санкционные торговые меры против Австралии, когда последняя выступила с призывом провести международное расследование происхождения коронавируса, что также поддерживалось США. Как отмечал глава казначейства Австралии Джош Фрайденберг:

«Я не преуменьшаю влияние действий Китая. Они причинили значительный ущерб отдельным отраслям и регионам, что было особенно заметно в ряде случаев... Австралия оказалась на передовой новой эры стратегического соперничества между Соединенными Штатами и Китаем, и не является секретом тот факт, что Пекин пытался нанести ущерб экономике Австралии из-за политических разногласий» [Westcott, 2021].

В глобальной битве за лидерство между США и Китаем Австралия, несмотря на свою торговую зависимость от Китая, явно поддерживает США. Появление AUKUS в сентябре 2021 года стало беспрецедентным шагом, направленным на сдерживание растущей «напористости» Китая в Индо-Тихоокеанском регионе [The White House, 2022]. Аналогичным образом по настоянию США Канада вступила в конфликт с Китаем, арестовав главного финансового директора Huawei, что вызвало острую реакцию со стороны Китая [Desjardins, 2021]. Не будет преувеличением утверждать, что «приняв

оборонительную стойку, многие срединные державы теперь переходят к более реактивному поиску способов обеспечить свою безопасность» [Carr, 2020].

Точно так же Южная Корея сталкивается с выбором между зависимостью от США в области безопасности и экономической зависимостью от Китая [Lee, 2020]. Министр иностранных дел Китая Ван И ранее выражал глубокий скептицизм в отношении предложения США расширить членский состав группы «Пяти глаз», в рамках которой осуществляется обмен разведанными между США, Великобританией, Канадой, Австралией и Новой Зеландией. С явным недовольством он отмечал: «Я считаю, что это в абсолютной степени является продуктом эпохи «холодной войны», который уже безнадежно устарел» [Ryall, 2021]. Тем не менее, для Южной Кореи непросто игнорировать его значимость.

Даниэль Пинкстон, профессор международных отношений на сеульском кампусе Университета Троя, описывает дилемму, стоящую перед Южной Кореей, следующим образом:

«Сеул очень чувствителен к тому, что находится в трудном положении, и ему очень некомфортно вследствие оказываемого на него давления с целью принятия решения о том, с какой из «великих держав» он должен выстраивать союз... Китай стремится притянуть к себе такие страны, как Корея, и оторвать их от институтов, возглавляемых США. Если Пекину удастся ослабить эти союзы и взаимодействовать с государствами на двусторонней основе, то он сможет использовать свою огромную экономическую мощь с большей эффективностью» [Ryall, 2021].

По мнению Хванга²³, глобальное соперничество между США и Китаем отражает третью фазу сценариев развития ситуации в области безопасности на Корейском полуострове; первыми двумя были фазы в период двухполярного и однополярного периодов в XX веке [Hwang, 2022]. Для того, чтобы Сеул мог играть более независимую роль, необходимо позиционирование Кореи как балансирующей силы в Индо-Тихоокеанском регионе, укрепление альянсов со срединными державами и углубление связей с Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) [Huynh, 2021]. Что касается таких чувствительных тем, как проблема Тайваня, Южная Корея, вероятно, столкнется с растущим давлением, поскольку США ожидают поддержки от Сеула, принимая во внимание традиционную роль США как гаранта безопасности. Давление дополнительно усилится на Сеул, поскольку Япония, другой союзник США, открыто встала на американскую сторону [Vandow, 2021; Moon, 2023].

Действительно, более пристальный анализ показывает, что Южная Корея молчаливо поддерживает США, что подтверждается усиливающимся сближением между США и Южной Кореей в различных форматах, таких как «Саммит за демократию» президента Байдена, «Саммит по устойчивости глобальных цепочек поставок» и другие [Pardo, 2022]. Сеул является ключевым партнером США в технологической гонке, в которой США стремятся противостоять Китаю путем «контроля доступа», ограничивая доступность критически важных технологий. Это подкрепляется сложившимся технологическим альянсом Chip 4, включающим США, Южную Корею, Японию и Тайвань [Moon, 2023]. Надежды Китая на сохранение Сеулом нейтралитета были поставлены под сомнение, когда Сеул полностью активировал систему противоракетной обороны THAAD. Кроме того, администрация президента Юн Сок Еля стремится к укреплению отношений с Японией, несмотря на недовольство Пекина [Worowies, 2023].

---

²³ прим. перев. – Дзи Хван Хванг, профессор Департамента международных отношений Университета Сеула

Выдвигая свою концепцию «дипломатии новых срединных держав», Стивен Наги²⁴ предлагает следующие стратегии для срединных держав с целью выхода из-под давления поляризации: искать партнеров для формирования альянсов; стремиться к синергии с ними в ключевых областях, используя сравнительные преимущества; отдавать приоритет сотрудничеству в цифровой экономике; и заключать соглашения о гарантиях безопасности торговли. Таким образом, они должны активно заниматься «лоббированием, обеспечением гарантий и разработкой правил в области безопасности, торговли и международного права для защиты своих национальных интересов» [Nagy, 2022]. Другие выступают за развитие «трансцендентной дипломатии» – инновационного подхода, в соответствии с которым более слабое государство стремится преодолеть анархию и выступает за многосторонность. Более тесное сотрудничество с государствами, находящимися в аналогичной ситуации – Австралией, Канадой, Японией, Германией и т.д., будет предпочтительным способом для продвижения новых норм [Moon, 2023].

Еще одним ключевым направлением переориентации срединных держав стало продвижение своих интересов в рамках G20 вместо принятия на себя лидерской роли в традиционном смысле. При премьер-министре Албанизе австралийское правительство стремится наладить отношения с Китаем с целью снятия торговых ограничений и побуждения Пекина к проведению такой политики, которая бы соответствовала требованиям основанной на правилах международной системы. Одновременно с этим Австралия поддерживает AUKUS, QUAD и альянс с США, выстраивая региональные стратегические партнерства [Australian Financial Review, 2023]. Такая многосторонняя позиция предполагает использование ограниченного пространства для маневра с целью восстановления автономии и избежания чрезмерной зависимости.

Как бы то ни было, эффективное лидерство срединных держав в рамках G20 основывалось на их имидже беспристрастных, надежных и «чистых» акторов. Вероятность сохранения таких качеств значительно снижается в условиях, когда они все чаще оказываются перед необходимостью осуществления стратегического выбора поддерживаемой ими стороны стратегического противостояния [Lee, 2021]. Очевидно, что потенциал лидерства срединных держав тесно связан с изменяющейся глобальной динамикой баланса сил [Downie, 2017]. Текущее глобальное перераспределение силы снижает потенциал срединных держав к «креативному» лидерству в рамках G20. Это не означает, что срединные державы становятся не имеющими веса акторами; скорее, можно ожидать, что они будут либо действовать как надежный партнер какой-либо из великих держав, либо стремиться защитить свою стратегическую автономию.

Совокупный эффект от неспособности G7 и срединных держав встать во главе глобального управления через руководство G20 препятствует предоставлению ГОБ. Помимо того, что G7 и срединные державы становятся маловероятными претендентами на лидерство, разногласия между США и Китаем периодически прямо препятствуют достижению результатов в рамках G20. С 2008 года G20 придерживалась твердой позиции относительно борьбы с протекционизмом, однако этот «священный обет» попал под удар, когда Трамп выступил против него. Американская интерпретация «несправедливой» торговой практики Китая повлияла не только на двусторонние отношения, но и на деятельность G20. На саммите G20 в Буэнос-Айресе в 2018 году американское вето на упоминание темы протекционизма в итоговом коммюнике лидеров привело к тому, что соответствующее обязательство по борьбе с протекционизмом не было принято. Давление со стороны США сыграло важную роль на стадии подготовки итогового коммюнике, в результате чего

---

²⁴ прим. перев. – профессор Международного христианского университета в Токио

термин «протекционизм» был полностью исключен из документа. В конце концов стороны согласились на использование более мягких формулировок о «преимуществах в мировой торговле» [Walker, 2018]. Точно так же председатель Си считает политизацию и превращение в оружие со стороны США проблем продовольственной и энергетической безопасности основным препятствием на пути к их разрешению [Lo, 2022].

В идеале каждая встреча на высшем уровне требует от ее участников единого понимания общих вызовов. Однако это понимание рушится, когда два самых могущественных участника видят друг в друге бо́льшую угрозу, чем в общих вызовах, стоящих перед международным сообществом. Текущее соперничество между США и Китаем усиливает эту тенденцию внутри G20. В результате многие глобальные проблемы, требующие сотрудничества между США и Китаем в предоставлении ГОБ, остаются нерешенными. Например, облегчение долгового бремени является критическим вопросом для стран с низким уровнем дохода и уязвимых стран со средним уровнем дохода. G20 создала Общую рамочную структуру для работы с долгом и выступила с Инициативой о приостановке обслуживания долга для решения этой проблемы с целью привлечения основных кредиторов, таких как Китай и Парижский клуб, к реструктуризации долга. Рамочная основа требует от государств, страдающих от долгового бремени, обращаться за двусторонней помощью до обращения в многосторонние учреждения, что вызывает возражения со стороны Китая. Китай предпочитает оценивать проекты по реструктуризации долга индивидуально для каждого конкретного случая с точки зрения их стратегических последствий и требует, чтобы многосторонние органы разделяли убытки, чему противятся США. Борьба G20 за облегчение долгового бремени Шри-Ланки ярко иллюстрирует это противоречие. Несогласованность действий G20 стала очевидной после того, как ее члены, действуя самостоятельно через такие группы, как G7, QUAD и Парижский клуб, подорвали авторитет G20. Точно так же и Китай в основном решал этот вопрос на двусторонней основе [Shivamurthy, 2023]. Подобная приоритизация национальных интересов перед скоординированными усилиями не способствует реализации видения G20.

Следующий раздел иллюстрирует эту тенденцию на примере переговоров по изменению климата со всей их непредсказуемостью.

3. Стратегическое соперничество и ГОБ: кейс климатических изменений

Политический консенсус между США и Китаем является ключевым условием для обеспечения глобальных общественных благ (ГОБ), и изменение климата в этом контексте выступает как лакмусовая бумажка. Климатический кризис – это глобально признанный вызов, характеризующийся своим разрушительным воздействием на планету. Наиболее сильное давление на США и Китай с призывом к налаживанию сотрудничества, как на национальном, так и на международном уровнях, оказывается применительно именно к вопросам климата. Вследствие этого давления конструктивное взаимодействие между США и Китаем *должно* воплотиться в скоординированных усилиях. Иными словами, если эти две державы не смогут найти общий язык в решении столь важной проблемы, угрожающей планете и требующей неотложных действий, успешное разрешение других, менее критичных и характеризующихся меньшим международным консенсусом вопросов станет еще более труднодостижимым.

Изначально, в рамках Копенгагенского саммита (2009) сотрудничество США и Китая по вопросам климата характеризовалось консенсусом по ключевым аспектам, таким как «общая, но дифференцированная ответственность», необходимость установки целей по сокращению выбросов и др. [Yu, 2018]. Последовавшие двусторонняя встреча между США

и Китаем в Саннилендс в 2013 году, совместные американо-китайские заявления по изменению климата в ноябре 2014 года и сентябре 2015 года, а также совместная декларация в марте 2016 года продемонстрировали совместное лидерство США и Китая в вопросах климата, оказывая поддержку глобальным усилиям по созданию климатически устойчивого, зеленого и низкоуглеродного будущего. Обе страны сыграли решающую роль в продвижении Парижского соглашения [The White House, 2016].

В 2014 году Китай под руководством Си Цзиньпина удивил мир, отказавшись от 30-летней традиции в политике Китая, заложенной Дэн Сяопином, под условным названием «никогда не бери на себя роль лидера». В совместном заявлении с президентом Обамой Си выразил политическую готовность возглавить усилия по борьбе с климатическим кризисом. Подкрепляя свою решимость, Си заявил, что «решение проблемы изменения климата и реализация повестки устойчивого развития – это не то, что нам навязывается, а то, чем мы сами хотим заниматься и что сделаем качественно». В последующие два года (2015-2016) Си активно продвигал концепцию «экологической цивилизации», впервые предложенную Ху Цзиньтао [Rudd, 2020].

Однако смена администрации в США нарушила этот взаимный курс на принятие обязательств по климату. Трамп назвал Парижское соглашение «наказанием» для страны, утверждая, что выполнение обязательств США по сокращению выбросов углерода приведет к потерям в размере почти 3 триллионов долларов ВВП и 6,5 миллионов рабочих мест. Критики отмечали, что отказ Трампа выполнять обязательства по климатическому финансированию (например, по Зеленому климатическому фонду) подорвал мировое доверие к инвестициям в сокращение выбросов [Yu, 2018: 286].

На саммите G20 в Буэнос-Айресе (2018) Китай призвал к совместным усилиям для борьбы с климатическими угрозами. 19 членов G20 подписали Парижское соглашение, однако выход из соглашения США под руководством Трампа стал для него значительным ударом. «Считаюсь» с остальными, Трамп критиковал Китай и Индию за недостаточные меры по улучшению качества воздуха, заявляя, что в США уже едва ли не «самый чистый воздух в мире» [India Today, 2019]. В 2019 году Трамп также заявлял: «Китай, Индия, Россия и многие другие страны имеют не очень чистый воздух и воду. Они не выполняют свои обязательства» [India Today, 2019]. Более того, он называл изменение климата «обманом» и обвинял ученых в отработке политической повестки.

В условиях, когда США отказались встать во главе мировых усилий по климату, возникла точка зрения, что Китай мог бы воспользоваться этой ситуацией и продемонстрировать свое ответственное лидерство. В отсутствие США Китай сотрудничал с ЕС и Канадой, прокладывая дорогу для таких проектов, как Министерская встреча по климатическим действиям (MoCA). Однако эта инициатива натолкнулась на препятствия, вызванные непредвиденными геополитическими обстоятельствами, когда финансовый директор Huawei Мэн Ваньчжоу была арестована в Канаде в 2018 году под давлением США [Rudd, 2020].

Оценивая негативные последствия соперничества между США и Китаем для климатической повестки, Ю²⁵ отмечает:

«Китайско-американское сотрудничество, которое ранее было ключевым фактором для мобилизации международного сообщества в борьбе с изменением климата, сейчас

---

²⁵ прим. перев. – Ю Хунюань проф., директор Института публичной политики и инноваций в Шанхайском институте международных исследований

фактически приостановлено, что привело к сложившемуся к настоящему моменту серьезному дефициту лидерства в глобальном климатическом управлении» [Yu, 2018: 286].

В динамике отношений США и Китая по вопросам изменения климата роль лидера переходит от одной стороны к другой слишком часто. На министерской встрече в Совете Безопасности ООН, посвященной климатическим угрозам, в 2020 году, Китай резко раскритиковал США по нескольким фронтам: за нарастающий разрыв в климатическом финансировании; за выход Трампа из Парижского соглашения (назвав это решение угрозой климатической безопасности и даже предложив меры принуждения); а также за «зеленый протекционизм» [Sikorsky, 2023]. Ситуация перевернулась с приходом администрации Байдена, которая возобновила обязательства США по климатической повестке. На саммите G20 в Риме (2021) Байден выразил недовольство тем, что «Россия и Китай по сути не взяли на себя никаких обязательств по борьбе с изменением климата» [Jones et al., 2021].

На конференции COP 27 в ноябре 2022 года Китай подвергся критике со стороны стран Глобального Юга, включая «Альянс малых островных государств», за то, что он якобы является «безбилетником» в инициативах по климатической митигации и финансированию. США также раскритиковали политику Китая по продвижению угольных электростанций [Sikorsky, 2023]. Резким контрастом с позицией Китая во время переговоров по Парижскому соглашению в 2015 году стало заявление Си Цзиньпина, что Китай будет следовать собственным климатическим курсом, а его климатическая политика будет независимой от внешних факторов. Выдвигая условия, на которых Китай готов сотрудничать, Си теперь утверждал, что переход Китая к чистой энергии зависит от того, насколько эффективно возобновляемые источники смогут компенсировать традиционные. В 2022 году Си прояснил, что Китай не откажется от угольных электростанций до тех пор, пока возобновляемые источники энергии не станут достаточно мощными, чтобы полностью их заменить, что представляется маловероятным [Furchtgott-Roth, 2023].

Стратегическое соперничество между США и Китаем также обусловило увязку темы климатической митигации с вопросами экономического превосходства. Это предполагает приоритетное развитие национальных отраслей и стремление не допустить получение конкурентами преимуществ. Примечательный закон «О снижении инфляции», принятый президентом Байденом в августе 2022 года, вызвал обеспокоенность в Китае, поскольку он был воспринят как попытка укрепить американский сектор возобновляемых источников энергии за счет китайских производителей. Этот закон направлен на усиление конкуренции с Китаем, который является одним из крупнейших бенефициаров перехода к чистой энергии [Mazzocco, 2022]. Подчеркивая влияние политики баланса сил на климатическую повестку, Жозеп Боррель отмечал:

«Достичь справедливого распределения усилий между странами особенно сложно, поскольку изменение климата и антидот к нему в форме зеленого перехода порождают как победителей, так и проигравших, нарушая тем самым глобальный баланс сил. Тем не менее, мы должны добиться успеха» [Borrell, 2023].

Последние нововведения в тарифной политике включают наложение на китайский импорт «тарифов, связанных с углеродным следом», разработанных для стимулирования сокращения выбросов. Китайские чиновники называют эти меры «зелеными торговыми барьерами», подчеркивая их потенциальную направленность на ослабление конкурентоспособности Китая на глобальных рынках [Birnbau, Shephard, 2023].

Климатические переговоры также оказались зависимыми от перипетий в стратегической дипломатии, что ярко проявилось в паузе, вызванной визитом Пелоси на Тайвань в августе 2022 года. Аналогично конкуренция между США и Китаем в Индо-Тихоокеанском регионе, глобальная геостратегическая напряженность, гонка технологий и прочие факторы создают дополнительную неопределенность для поддержания усилий в преодолении проблемы климата [Zhou, Zha, 2023; Mori, 2019]. Многие исследователи считают, что поляризация и обусловленный ей кризис в предоставлении ГОБ по совокупности своего влияния представляют собой серьезный вызов для G20. Как отмечают Чжоу и Чжа:

«Климатические инициативы оказались в значительной степени подвержены волатильной динамике международной системы – от сотрудничества в рамках глобального управления к соперничеству великих держав, что особенно отчетливо проявляется в отношениях между Китаем и США» [Zhou, Zha, 2023].

Похожим образом Галлахер²⁶ утверждает, что «Китай рассматривает климат как вопрос, в котором заинтересованы США, и использует тему климата в качестве рычага в многоаспектных взаимоотношениях» [цитируется в Birnbaum, Shephard, 2023]. Китай может воспользоваться разногласиями внутри Запада по таким вопросам, как изменение климата, чтобы углубить раскол в трансатлантическом партнерстве [Sanger, Perlez, 2017]. В своей пессимистической оценке, Джейкоб²⁷ утверждает, что совокупное давление традиционных и нетрадиционных вызовов не будет достаточным для того, чтобы подтолкнуть США и Китай к сотрудничеству в рамках G20. Указывая на кризис лидерства в G20, Джейкоб отмечает:

«Глобальные вызовы, такие как изменение климата, голод и болезни, а также вызовы регионального значения, такие как конфликт вокруг Украины, вероятно, будут обсуждаться на встрече G20. Однако маловероятно, что удастся достичь значимого прогресса в их решении, поскольку противостояние между США и Китаем нарастает, а другие участники остаются неспособными взять на себя лидерство и предложить альтернативные решения, выходящие за рамки американо-китайской дихотомии» [Jacobs, 2023].

Тем не менее, влиятельные фигуры, такие как Кевин Радд²⁸, предлагали инновационные решения, например – концепцию «взаимной стратегической грамотности». Этот подход акцентирует внимание на необходимости того, чтобы каждая страна осознавала, как ее действия воспринимаются другой стороной. Возможность разработки «совместного стратегического нарратива» между США и Китаем зависит от признания этого фактора. Реализация этой концепции предполагает достижение понимания по «красным линиям», которые нельзя переходить, в частности – по вопросам, связанным с проблемой Тайваня; определение допустимых зон соперничества в области нелетальной безопасности и идеологии; а также выявление областей для стратегического сотрудничества, таких как изменение климата [Rudd, 2022].

Еще один позитивный подход заключается в том, что такие инициативы, как Индо-Ближневосточно-Европейский экономический коридор (ИМЕС), ВЗВ (ныне «Партнерство для глобальной инфраструктуры и инвестиций»), PGII, Трансафриканский коридор и другие, создают конкурентоспособные альтернативы проекту BRI, расширяя спектр возможностей выбора для развивающихся стран. Таким образом, эта конкуренция не

---

²⁶ прим. перев. – Келли Симс Галлахер, Декан Школы права и дипломатии им. Флетчера

²⁷ прим. перев. – Ябин Джейкоб, доцент Департамента исследований международных отношений и управления, Университет Шив Надар, Дели

²⁸ прим. перев. – посол Австралии в США, ранее – премьер-министр Австралии

только не ограничивает доступ к климатическому финансированию, но и увеличивает его предложение [Zhou, Zha, 2023]. Подобный подход согласуется с тезисом, выдвинутом в настоящей статье, о том, что сложившееся соперничество порождает кризис лидерства внутри G20 и лидерства самой G20, но не обязательно подрывает предложение ГОБ, поскольку такие группы, как G7, и Китай как конкуренты в борьбе за лидерство более склонны действовать самостоятельно. Способность стран ОМ найти баланс, защитить свою стратегическую автономию и обеспечить доступ к ГОБ будет в значительной степени зависеть от их дипломатических и адаптационных навыков.

Заключение

В статье утверждается, что противоречия, которые ярко проявились в эпоху Трампа, назревали на протяжении нескольких предшествующих лет, усиливаясь с 2014 года. Рост соперничества заставил G7 трансформироваться, превращаясь из благожелательного глобального лидера или гегемона глобального управления в стратегический союз «по расчету». Таким образом, в настоящий момент цель G7 состоит не в том, чтобы возглавлять не вызывающие разногласий сферы глобального управления, как это было раньше, а в том, чтобы самоорганизоваться как мощная и однородная группа, способная сдерживать авторитарные международные коалиции и формируемые ими угрозы. G7 стремится привлечь на свою сторону демократических союзников из числа срединных держав и развивающихся стран, чтобы расширить свою «зону комфорта». В то же время Китай активно ведет свою политику балансирования, расширяя сферу международного влияния.

В области предоставления ГОБ крайне редко можно наблюдать, чтобы США и Китай сотрудничали с целью совместного руководства глобальным управлением. Вместо этого они работают по отдельности, создавая параллельные механизмы. Дискуссии в рамках ежегодных саммитов G20 все чаще сопровождаются напряженностью между США и Китаем как по традиционным, так и по новым вопросам, что часто приводит к неоптимальным результатам. Таким образом, великим державам – США и Китаю, которые вносят раскол в мировой порядок, в целом не удается делать вид, что они его восстанавливают на саммитах G20. Срединные державы сталкиваются с давлением, вынуждающим их принимать чью-либо сторону, что подрывает их имидж и статус в качестве относительно нейтральных лидеров глобального управления. Поляризация приводит к тому, что предоставление ГОБ становится зависимым от политической ориентаций, делая его в большей степени обусловленным, нерегулярным и нестабильным.

Переговоры по изменению климата являются лишь одним из примеров неопределенности, преобладающей в современной практике глобального управления. Тем не менее, есть повод и для оптимизма: в своей «борьбе за легитимность» обе державы выбрали для себя стратегию позиционирования как надежных поставщиков и лидеров в области предоставления ГОБ. Будущее глобального управления в целом и G20 в частности остается неопределенным, поскольку такие спорадические инциденты, как визит Пелоси на Тайвань в 2022 году или инцидент с китайским воздушным шаром в 2023 году, усиливают волатильность в динамике перехода от сотрудничества к конфликту. Запланированные на ноябрь 2024 года президентские выборы в США и политика новой американской администрации в отношении Китая зададут тон этой динамике на следующую пятилетку.

Список источников (References)

- Australian Financial Review (2023) G20's Lack of Cohesion Complicates Australia's China Challenge. 10 September. Available at: <https://www.afr.com/policy/economy/g20-s-lack-of-cohesion-complicates-australia-s-china-challenge-20230906-p5e2c0> (accessed 12 July 2024).
- Bailin A. (2001) From Traditional to Institutionalized Hegemony. G8 Governance No 6. Available at: <https://hdl.handle.net/1807/541> (accessed 25 August 2024).
- Bailin A. (2005) *From Traditional to Group Hegemony: The G7, the Liberal Economic Order and the Core-Periphery Gap*. Routledge, Taylor and Francis Group.
- Bandow D. (2021) Which Will South Korea Choose: The U.S. or China? Cato Institute, 6 December. Available at: <https://www.cato.org/commentary/which-will-south-korea-choose-us-or-china> (accessed 1 February 2024).
- Birnbaum M., Shephard C. (2023) How the U.S. Wants to Pressure China to Help Avert Climate Catastrophe. The Washington Post, 30 May. Available at: <https://www.washingtonpost.com/climate-environment/2023/05/30/biden-us-china-climate-emissions/> (accessed 26 November 2023).
- Borowiec S. (2023) THAAD Missile System Agitates South Korea-China Ties. Nikkei Asia, 22 June. Available at: <https://asia.nikkei.com/Politics/International-relations/THAAD-missile-system-agitates-South-Korea-China-ties> (accessed 26 November 2023).
- Borrell J. (2023) The Geopolitics of Climate Change. European Union, 6 December. Available at: https://www.eeas.europa.eu/eeas/geopolitics-climate-change_en (accessed 26 November 2023).
- Bremmer I. (2012) *Every Nation for Itself: Winners and Losers in a G-Zero World*. New York: Portfolio.
- Bremmer I., Roubini N. (2011) A G-Zero World. Foreign Affairs, 31 January. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/world/g-zero-world> (accessed 25 August 2024).
- Cao J. (2019) China's Belt and Road Initiative 2.0: Delivering Global Public Goods for Sustainable Development. *China Quarterly of International Strategic Studies*, vol. 5, no 2, pp. 233–48. Available at: <https://doi.org/10.1142/S2377740019500155>
- Carr A. (2020) The Illusion of a Middle Power Moment. East Asia Forum, 12 May. Available at: <https://www.eastasiaforum.org/2020/05/12/the-illusion-of-a-middle-power-moment/>. (accessed 23 April 2023).
- Chang F. K. (2019) Unequal Sequel: China's Belt and Road Initiative. Foreign Policy Research Institute, 6 August. Available at: <https://www.fpri.org/article/2019/08/unequal-sequel-chinas-belt-and-road-initiative/> (accessed 15 April 2024).
- Cooper A., Mo J. (2013) Middle Power Leadership and the Evolution of the G20. *Global Summitry Journal*, vol. 1, issue 1, pp. 1–14. Available at: <https://globalsummitryproject.com/wp-content/uploads/2021/04/Middle-Pwer-LEadership.pdf> (accessed 25 August 2024).
- Desjardins R. (2021) How Canada Became Collateral Damage in US-China Battle for the Upper Hand. South China Morning Post, 29 July. Available at:

<https://www.scmp.com/comment/opinion/article/3142743/how-canada-became-collateral-damage-us-china-battle-upper-hand> (accessed 2 September 2022).

Downie C. (2017) One in 20: The G20, Middle Powers and Global Governance Reform. *Third World Quarterly*, vol. 38, issue 7, pp. 1493–510. Available at: <http://dx.doi.org/10.1080/01436597.2016.1229564>

Furchtgott-Roth D. (2023) China Abandons Paris Agreement, Making U.S. Efforts Painful and Pointless. The Heritage Foundation, 26 July. Available at: <https://www.heritage.org/global-politics/commentary/china-abandons-paris-agreement-making-us-efforts-painful-and-pointless> (accessed 26 December 2023).

Group of 7 (G7) (2023) Foreign Ministers' Statement. Tokyo, 8 November. Available at: <https://www.mofa.go.jp/files/100578225.pdf> (accessed 20 January 2024).

Gilpin R. (1975) *US Power and Multinational Corporation: The Political Economy of Foreign Direct Investment*. Basic Books Publishers.

Gilpin R. (1981) *War and Change in World Politics*: Cambridge University Press.

Grundleger J., Creehan S. (2012) The Global Leadership Vacuum: An Interview With Ian Bremmer, President and Founder, Eurasia Group. *SAIS Review of International Affairs*, vol. 32, no 1, pp. 5–17. Available at: <https://doi.org/10.1353/sais.2012.0001>

Haass R. N. (2008) The Age of Nonpolarity. *Foreign Affairs*, vol. 87, no 3, pp. 44–56. Available at: <http://www.jstor.org/stable/20032650>

Haass R. N. (2014) The Era of Disorder. Project Syndicate, 27 October. Available at: <https://www.project-syndicate.org/commentary/new-era-of-global-instability-by-richard-n-haass-2014-10> (accessed 29 Jan 2024).

Hodzi O., Chen Y.-W. (2018) Following the Flow: China's Approach to Global Leadership. *China Quarterly of International Strategic Studies*, vol. 4, no 1, pp. 1–21 Available at: <https://doi.org/10.1142/S2377740018500045>

Holbraad C. (1984) *Middle Powers in International Politics*. London: Macmillan.

Huynh T.-S. (2023) Bolstering Middle Power Standing: South Korea's Response to U.S. Indo-Pacific Strategy From Trump to Biden. *The Pacific Review*, vol. 36, no 1, pp. 32–60. Available at: <http://dx.doi.org/10.1080/09512748.2021.1928737>

Hwang J. (2022) The U.S.-China Rivalry and South Korea's New North Korea Policy: Its Prospects and Implications. *The Journal of East Asian Affairs*, vol. 35, no 1, pp. 5–33. Available at: <https://www.jstor.org/stable/45441312>

Ibbitson J., Perkins T. (2010) How Canada Made the G20 Happen. The Globe and Mail, 18 June. Available at: <https://www.theglobeandmail.com/news/world/how-canada-made-the-g20-happen/article4322767/> (accessed 23 June 2023).

Ikenberry J. G., Kupchan C.A. (1990) Socialization and Hegemonic Power. *International Organization*, vol. 44, issue 3, pp. 283–315. Available at: <http://www.doi.org/10.1017/S002081830003530X>

Ikenberry J. G. (1996) The Future of International Leadership. *Political Science Quarterly*, vol. 111, issue 3, pp. 385–402. Available at: <https://doi.org/10.2307/2151968>

India Today (2019) Trump Blames India, China for Not Doing Enough on Climate Change. 7 June. Available at:

<https://www.indiatoday.in/world/story/donald-trump-blames-india-china-for-not-doing-enough-on-climate-change-1544257-2019-06-07> (accessed 21 November 2023).

Jacob J. T. (2022) The US and China at the G20 Summit: Competition Will Dominate. Asia Pacific Leadership Network, 14 November. Available at:

<https://www.apln.network/analysis/commentaries/the-us-and-china-at-the-g20-summit-competition-will-dominate#:~:text=Global%20challenges%20such%20as%20climate,others%20on%20the%20side%20lines> (accessed 23 August 2023).

Jones G., Balmer C. and Mason J. (2021), G20 offers little new on climate, leaving uphill task for COP26. Reuters, 1 Nov 2021. Available at:

<https://www.reuters.com/business/environment/g20-leaders-face-tough-climate-talks-second-day-summit-2021-10-30/> (accessed 29 August 2023).

Kaplan R. D. (2016) Eurasia's Coming Anarchy. *Foreign Affairs*, 15 February. Available at:

<https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2016-02-15/eurasias-coming-anarchy> (accessed 25 August 2024).

Kausikan B. (2017) Asia in the Trump Era. *Foreign Affairs*, 17 April. Available at:

<https://www.foreignaffairs.com/reviews/review-essay/2017-04-17/asia-trump-era> (accessed 25 August 2024).

Keohane R. O. (1969) Lilliputian's Dilemmas: Small States in International Politics. *International Organization*, vol. 23, issue 2, pp. 291–310. Available at: <https://doi.org/10.1017/S002081830003160X>

Kindleberger C. P. (1973) *The World in Depression, 1929–1939*. Berkeley: University of California Press.

Kindleberger, C. P. (1981) Dominance and Leadership in the International Economy: Exploitation, Public Goods, and Free Rides, *International Studies Quarterly*, Vol. 25, Issue 2, pp.242–254.

Kristensen P. M. (2017) After Abdication: America Debates the Future of Global Leadership. *Chinese Political Science Review*, vol. 2, pp. 550–66. Available at:

<https://doi.org/10.1007/s41111-017-0078-7>

Kupchan C. A. (2013) *No One's World: The West, the Rising Rest, and the Coming Global Turn*. New York: Oxford University Press. Available at:

<http://dx.doi.org/10.1017/S1537592713001527>

Larionova M. V., Rakhmangulov M., Sakharov A. G., Shelepov A. V., Nagornov V. (2015) Global Risks Governance and G20, G8, BRICS Capabilities. *The G8-G20 Relationship in Global Governance* (M. G. Gilman, P. Hajnal, E. Kokotsis, J. Kirton, M. V. Larionova, D. Lesage, V. Lukov, V. Nagornov, Z. Qureshi, M. Rakhmangulov, A. Sakharov, A. V. Shelepov (eds)). Ashgate.

Lee C. M. (2020) South Korea Is Caught Between China and the United States. Carnegie Endowment for International Peace, 21 October. Available at: <https://carnegieendowment.org/2020/10/21/south-korea-is-caught-between-china-and-united-states-pub-83019> (accessed 23 April 2023).

Lee S.-W. (2021) Middle Power Conundrum Amid US–China Rivalry. East Asia Forum, 1 January. Available at: <https://eastasiaforum.org/2022/01/01/middle-power-conundrum-amid-us-china-rivalry/> (accessed 17 August 2023).

Lehmann J.-P. (2016) Donald Trump and the Contemporary Leadership Deficit. Forbes, 7 May. Available at: <https://www.forbes.com/sites/jplehmann/2016/05/07/donald-trump-and-the-contemporary-leadership-deficit/> (accessed 12 June 2023).

Lieberman J. I. (2016) The Absence of U.S. Leadership Makes the World More Dangerous Than Ever. The Washington Post, 24 February. Available at: https://www.washingtonpost.com/opinions/the-absence-of-us-leadership-makes-the-world-more-dangerous-than-ever/2016/02/24/65e586a8-d8ac-11e5-925f-1d10062cc82d_story.html (accessed 15 March 2023).

Lioa C., Beal T. (2022) The Role of the G7 in Mobilizing for a Global Recovery. Chatam House Research Paper. Available at: <http://www.doi.org/10.55317/9781784135355>

Lo K. (2022) Don't Weaponise Food, Energy Security, China's Xi Jinping Tells G20. South China Morning Post, 15 November. Available at: <https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/3199689/g20-chinas-xi-jinping-says-food-energy-security-should-not-be-weaponised> (accessed 11 July 2024).

Maihold G. (2020) Trump and Xi: Clash of Leadership Styles. *Strategic Rivalry Between United States and China: Causes, Trajectories, and Implications for Europe* (B. Lippert, V. Perthes (eds)). SWP Research Paper 4, Stiftung Wissenschaft und Politik (SWP), German Institute for International and Security Affairs. Available at: <http://www.doi.org/10.18449/2020RP04>

Mazzocco I. (2022) Why the New Climate Bill Is Also About Competition With China. Center for Strategic and International Studies (CSIS), 25 August. Available at: <https://www.csis.org/analysis/why-new-climate-bill-also-about-competition-china> (accessed 26 November 2023).

Modelski G. (1987) *Long Cycles in World Politics*: Palgrave Macmillan.

Moon C.-I (2023) US-China Strategic Rivalry, South Korea's Strategic Choices, and Implications for German and South Korea Cooperation. Friedrich-Ebert-Stiftung (FES) Asia, 1 August. Available at: <https://asia.fes.de/news/south-korea-strategic-choices> (accessed 26 December 2023).

Mori S. (2019) US Technological Competition With China: The Military, Industrial and Digital Network Dimensions. *Asia-Pacific Review*, vol. 26, no 1, pp. 77–120. Available at: <https://doi.org/10.1080/13439006.2019.1622871>

Nagy S. R. (2022) Middle-Power Alignment in the Free and Open Indo-Pacific, *Asia Policy*, vol. 17, no 3, pp. 161–79. Available at: <https://www.jstor.org/stable/27227224>

Pardo R. P. (2022) South Korea Has Quietly Taken Sides in the U.S.-China Rivalry. *World Politics Review*, 4 January. Available at: <https://www.worldpoliticsreview.com/as-china-south-korea-relations-sour-seoul-aligns-with-the-u-s/> (accessed 2 June 2022).

Patrick S. M. (2017) Trump and World Order. *Foreign Affairs*, 13 February. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/world/trump-and-world-order> (accessed 25 August 2024).

Reuters (2023) China Urges G7 to Stop “Inciting Confrontation.” 9 November. Available at: <https://www.reuters.com/world/china-urges-g7-stop-inciting-confrontation-2023-11-09/> (accessed 30 December 2023).

Rudd K. (2020) The New Geopolitics of China’s Climate Leadership. *China Dialogue*, 11 December. Available at: <https://chinadialogue.net/en/climate/the-new-geopolitics-of-chinas-climate-leadership/> (accessed 21 October 2023).

Rudd K. (2022) China and the U.S.: The Case for Managed Strategic Competition. Asia Society Policy Institute, 30 March. Available at: <https://asiasociety.org/policy-institute/china-and-us-case-managed-strategic-competition> (accessed 23 November 2023).

Ryall J. (2021) South Korea’s Balancing Act Amid US-China Rivalry. *Deutsche Welle*, 20 September. Available at: <https://www.dw.com/en/south-koreas-balancing-act-amid-us-china-indo-pacific-rivalry/a-59238903> (accessed 18 October 2022).

Sanger, D.E. and Perlez J. (2017) Trump Hands the Chinese a Gift: The Chance for Global Leadership. *New York Times*, 1 June 2017. Available at: <https://www.nytimes.com/2017/06/01/us/politics/climate-accord-trump-china-global-leadership.html> (accessed 18 October 2023).

Schindler S., Alami I., DiCarlo J., Jepson N., Rolf S., Bayırbağ M. K., ... Zhao Y. (2023) The Second Cold War: US-China Competition for Centrality in Infrastructure, Digital, Production, and Finance Networks. *Geopolitics*, vol. 29, issue 6, pp. 1–38. Available at: <http://dx.doi.org/10.1080/14650045.2023.2253432>

Schreer B. (2017) Towards Contested “Spheres of Influence” in the Western Pacific: Rising China, Classical Geopolitics, and Asia-Pacific Stability. *Geopolitics*, vol. 24, issue 2, pp. 503–22. Available at: <http://dx.doi.org/10.1080/14650045.2017.1364237>

Seidl T. (2024) Charting the Contours of the Geo-Tech World. *Geopolitics*, pp. 1–13. Available at: <https://doi.org/10.1080/14650045.2024.2333358>

Shivamurthy A. G. (2023) The G20’s Response to Debt Distress: The Case of Sri Lanka. T20 Policy Brief, Group of 20. Available at: https://t20ind.org/wp-content/uploads/2023/06/TF7_726_SriLankaCrisis.pdf (accessed 25 August 2024).

Sikorsky E. (2023) The Geopolitics of Climate Change: China and the United States at the UN Security Council. The Center for Climate and Security, 20 June. Available at:

<https://climateandsecurity.org/2023/06/the-geopolitics-of-climate-change-china-and-the-united-states-at-the-un-security-council/> (accessed 29 December 2023).

Soederberg S. (2002) The New International Financial Architecture: Imposed Leadership and Emerging Markets. *Socialist Register*, vol. 38.

Stoessinger J. (1991) The Anatomy of the Nation-State and the Nature of Power. *Perspectives on World Politics* (R. Little, S. Smith (eds)). London: Routledge.

Sun X. (2019) USA, China and Global Leadership. *India Quarterly*, vol. 75, no 2, pp. 190–205. Available at: <https://www.jstor.org/stable/48509419>

The White House (2016) Joint Statement by the United States of America and the Republic of Singapore. 2 August. Available at:

<https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2016/08/02/joint-statement-united-states-america-and-republic-singapore> (accessed 18 October 2023).

The White House (2022) FACT SHEET: Implementation of the Australia-United Kingdom-United States Partnership (AUKUS). 5 April. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/04/05/fact-sheet-implementation-of-the-australia-united-kingdom-united-states-partnership-aukus/> (accessed 17 August 2023).

The White House (2023) G7 Leaders' Communiqué. Hiroshima, 20 May. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2023/05/20/g7-hiroshima-leaders-communiqué/> (accessed 8 January 2024).

Turner O. China, India and the US Rebalance to the Asia Pacific: The Geopolitics of Rising Identities. *Geopolitics*, vol. 21, issue 4, pp. 922–44. Available at: <https://doi.org/10.1080/14650045.2016.1190708>

Walker T. (2018) G20, the US and China: Omens Not Good. *Bluenotes*, 7 December. Available at: <https://bluenotes.anz.com/posts/2018/12/G20-the-US-and-China-not-a-good-omen> (accessed 13 July 2024).

Wallerstein I. (1979) *The Capitalist World-Economy*. Cambridge University Press.

Westcott B. (2021) China's Political Pressure' on Australian Economy Isn't Working, Treasurer Says. CNN, 6 September. Available at: <https://edition.cnn.com/2021/09/06/economy/australia-china-economy-trade-intl-hnk/index.html> (accessed 23 June 2023).

Wolf M. (2017) The Long and Painful Journey to World Disorder. *Financial Times*, 5 January. Available at: <https://www.ft.com/content/ef13e61a-cc0c-11e6-b8ce-b9c03770f8b1> (accessed 8 April 2024).

Yan X. (2016) Political Leadership and Power Redistribution. *Chinese Journal of International Politics*, vol. 9, issue 1, pp. 1–16. Available at: <https://doi.org/10.1093/cjip/pow002>

Young O. R. (1991) Political Leadership and Regime Formation: On the Development of Institutions in International Society. *International Organization*, vol. 45, issue 3, pp. 281–308. Available at: <https://doi.org/10.1017/S0020818300033117>

Yu H. (2018) The U.S. Withdrawal From the Paris Agreement Challenges and Opportunities for China. *China Quarterly of International Strategic Studies*, vol. 4, no 2, pp. 281–300. Available at: <http://dx.doi.org/10.1142/S2377740018500100>

Zhong S. (2023) G7 a Hegemonic Clique Undermining International Order, Trampling on Equity, Justice. People's Daily Online, 25 May. Available at: <http://en.people.cn/n3/2023/0525/c90000-20023519.html> (accessed 18 August 2023).

Zhou J., Zha D. (2023) Climate Finance and Geopolitics: The China–US Factor. SIPRI, 28 November. Available at: <https://www.sipri.org/commentary/essay/2023/climate-finance-and-geopolitics-china-us-factor> (accessed 18 December 2023).

Impact of US-China Rivalry on the G20 Leadership: Possibilities and Problems²⁹

V. Sagar

Vishal Sagar - Doctor³⁰, Assistant Professor at the Department of Social and Political Studies (DOSPS), School of Behavioral and Social Sciences (SBSS), Manav Rachna International Institute of Research and Studies (MRIIRS), Faridabad, Haryana, India; recipient of Network for Advanced Study of China (NASC) 2023-24 Fellowship funded by the Takshashila Institution, Bangalore, India; Assistant Professor, Manav Rachna International Institute of Research and Studies; 35, Sector-5, Part-3, Gurgaon, Haryana, 122006 India; vishalsagar86@gmail.com

Abstract

Reflecting the timeless pattern of global power shifts favouring emerging powers over established ones, the current state of US-China relations corresponds to this trend. Academic consensus regards shifts since Trump's presidency and the pandemic as dominant factors worsening US-China relations. One of the implications of the US-China rivalry is that issues of global governance are increasingly falling under the purview of geopolitical undercurrents, undermining the ability of the Group of 20 (G20) to deliver global public goods (GPGs). Although embedded within institutions such as the Group of 7 (G7), the G20, and the International Monetary Fund (IMF), the supply of GPGs is an attribute of global leadership. Theoretical and empirical accounts indicate that the regular supply of GPGs is dependent upon either the hegemony of a single power or the level of cooperation among the multiple centres of power prevailing in the international system at a given point in time. The decline of US hegemony and the lack of US-China cooperation poses questions for the future of G20 leadership and the global supply of GPGs. Given the uncertainty, this article aims to answer the following research problem—can the G20 lead the process of global governance by offering GPGs under the constrained conditions produced by the US-China rivalry? Specifically, this article addresses the following research questions: why the US-China rivalry affects the G20's ability to deliver GPGs; which actors have led the field of global governance in the past; whether these actors are still capable of leading under contemporary conditions; and what pathways stifle the leadership potential of varied actors inside the G20. The article argues that the leadership crisis of the G20 is a cumulative effect of the declined ability of the G7 to play its traditional leadership role, coupled with its newly developed willingness to counter China's rise. Moreover, the leadership gap is augmented by the polarization-based strategic pulls faced by middle powers, compromising their customary ability to lead global governance.

Key words: US-China, G20 Leadership, G7, Middle Powers, Climate Change

For citation: Sagar V. (2024) Impact of US-China Rivalry on the G20 Leadership: Possibilities and Problems. *International Organisations Research Journal*, vol. 19, no 3, pp. (in English). doi:10.17323/1996-7845-2024-03-01

---

²⁹ This article was submitted 18.05.2024.

³⁰ Dr Vishal Sagar has a doctoral degree from the Centre for International Politics, Organization and Disarmament (CIPOD), School of International Studies (SIS), Jawaharlal Nehru University (JNU), New Delhi.